

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «KRIEG» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. РЕННА «KRIEG OHNE SCHLACHT»)

© 2010 Т.А.Корнеевко

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

Статья поступила в редакцию 28.12.2009

В статье описывается структура лингвокультурного концепта «Krieg» с учётом его обусловленности идеологическим фактором. На основе специфики эмоционально-идеологического содержания выделено 3 фрейма сценария войны, проанализированы языковые средства выражения эмоционального и идеологического компонентов концепта и культурно-специфические импликации.

Ключевые слова: отрицательная эмотивность, имплицитная эмотивность, идеологическая обусловленность, концепт, компоненты концепта, фрейм-структура, слоты.

Целью данной статьи является создание модели концепта «Krieg». В настоящее время появился опыт лингвоконцептологического исследования феномена войны на материале разных языков с помощью фрейм-слотового подхода (В.Б.Крячко, Е.А.Липина). Учитывая данный опыт, мы представляем концепт Krieg в виде фрейм-структуры, отражающей идеологическую специфику концепта и соотносящейся с определённым эмоциональным содержанием. Фрейм, по В.З.Демьянкову, понимается как структура знания, представленная вершинными узлами, содержание которых фиксировано, и терминальными узлами, или слотами, конкретизирующими содержание фрейма¹. Автор данной статьи исходит из возможности представления устойчивого содержания концепта (понятийного, наглядно-чувственного и ценностного) в виде вершинных узлов фрейма, а изменяющегося периферийного содержания (ассоциативного, образного и оценочного уровней) – в виде наполнения терминальных узлов – слотов. Совокупное периферийное содержание концепта возможно рассмотреть с точки зрения его эмоциональной природы.

Несмотря на устойчивый лингвокогнитивный интерес к идеологическому фактору (Т.Б.Радбиль, Г.П.Кофанова, С.А.Журавлёв, М.Е.Скиба, И.И.Бабенко), – идеология ранее не рассматривалась в качестве компонента лингвокультурного концепта. Обзор исследований проблемы взаимодействия немецкого языка и идеологии, предпринятых А.Gardt² и S.Müller³ позволяет

сделать вывод о целесообразности рассмотрения такого компонента применительно к концепту «Krieg». Кульминация и крах милитаристской политики Германии неразрывно связаны с идеями национал-социализма, тоталитарным режимом 1933 – 1945 гг. и военными преступлениями; именно как единое явление, война и идеология оставили глубочайший след в национальном сознании, что находит закономерное отражение на языковом уровне. Следует отметить, что понятие идеологии допускает различные толкования. В энциклопедическом словаре по политологии идеология в целом трактуется как «система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности, взгляды, интересы, цели, намерения, умонастроения людей, классов, партий, субъектов политики и власти тех или иных эпох... Тесная взаимосвязь идеологии и политики в периоды слабости последней оборачивается гиперидеологизацией политики, следствием которой являются извращённые тоталитарные режимы, кризисы, войны⁴. Применительно к концепту «Krieg» очевиден идеологический фактор со знаком «минус», что, по П.Серио, предполагает «рассмотрение фактов, в которых наблюдается их неадекватность эмпирическому миру в силу их искажения или упущения, в которых усматривается ложный, необъективный и / или химерический характер⁵. Материалом исследования послужило произведение писателя-антифашиста Л.Ренна [Renn] в объёме 270 страниц. Сюжетной основой являются события последнего года войны и трёх

⁰ Корнеевко Татьяна Александровна, ассистент кафедры теории речи и перевода. E-mail: pudaschkina@mail.ru

¹ Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: 1996. – С. 187 – 189.

² Gardt A. Sprachnationalismus zwischen 1850 und 1945 // Naion und Sprache. Berlin: New York: de Gruyter, 2000. S. 247 – 271.

³ Müller S. Sprachwörterbücher im Nationalsozialismus. Stuttgart, 1994. 299 S.

⁴ Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И.Аверьянов. – М.: 1993. – С.111 – 116.

⁵ Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: 1999. – С.12 – 53.

послевоенных лет, связанных с пребыванием главного героя в плену. Роман представляет собой интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, временная и пространственная удалённость повествования от непосредственных боевых событий позволяет ограничить описание наиболее общих аффективных состояний и расширить эмоционально-оценочную аксиологическую составляющую, в большей степени отражающую национальную специфику. Во-вторых, в романе созданы литературные типажи, наделённые наиболее общими чертами, которые присущи нескольким типам представителей немецкой нации с разным отношением к событиям. В-третьих, автором поставлены проблемы осознания нравственных противоречий войны, участия в войне и причастности к событиям, обозначены контуры обсуждения в обществе вопросов, связанных с идеологическими основами войны.

На данном материале было выделено три фрейма. В основе их наименований лежат те признаки типового сценария войны, которым соответствуют наибольшая ценностная значимость и эмоциональный потенциал. Это признаки «военная политика», «военный режим», «жертвы войны». Структура данных фреймов учитывает предлагаемое О.А.Корниловым разграничение нравственно-ценностного и эмоционально-оценочного компонентов сознания. Первый имеет более сложную структуру, обусловленную иерархией ценностей, ко второму компоненту автор относит эмоциональные проявления оценочности⁶. Рассмотрение взаимосвязи идеологического и эмоционального содержания в рамках фрейма, на наш взгляд, соответствует решению таких вопросов, как культурная значимость или «моральная ценность» эмоций⁷ и необходимость учёта, наряду с собственно языковыми механизмами передачи эмоций, экстралингвистических факторов⁸. Именно идеологию следует рассматривать как фактор, который определяет эмоциональный индекс, преобладающий в определённом обществе в определённый период, и создаёт языковые эмоциональные символы эпохи⁹.

Применительно к выделенным фреймам, нравственно-ценностный компонент представлен

идеологическими признаками, которые сформулированы как способы нейтрализации отрицательной аксиологии концепта. Её главными принципами являются формирование особого типа мышления путём насаждения милитаристской тематики, культа силы и жестокости, пропаганды монолитного единства масс и псевдонаучного обоснования расового превосходства над другими народами использование эвфемизмов и мифов, романтизация войны¹⁰. Созданная идеологией картина мира имеет мало общего с действительностью и это даёт множество «эмоциональных векторов» (термин А.П.Чудинова)¹¹. Конкретизация этого ценностного содержания на эмоционально-оценочном уровне отражается в слотах, представляющих собой определённые «эмоциональные векторы» фрейма. Их устойчивость указывает на определённый эмоциональный индекс. В качестве вербализаций эмоционального содержания рассматривались специальные эмотивные средства, экспрессивная метафора, оценочные и потенциально-эмотивные слова. Особый характер взаимосвязи компонентов отмечался в случае приобретения языковой единицей имплицитной ситуативной эмотивности в условиях идеологического контекста. Отметим, что с учётом идеологической поляризации оценок основное внимание уделялось эмоциональным оценкам и состояниям, характерным для неидеологизированной части немецкого лингвокультурного сообщества.

Фрейм «военная политика» включает идеологические стратегии, направленные на создание основ положительного восприятия войны. В рамках милитаристского мышления этой цели соответствуют идея о расовом превосходстве как обоснование агрессии и иллюзорное романтическое восприятие войны. Реализация данных признаков на эмоционально-оценочном уровне представлена слотами «осуждение военной политики», «осуждение политической литургии» (под последней понимается символическая коммуникация сторонников идеологии, создающая у них иллюзию причастности к политике)¹², «осуждение военного энтузиазма». Объекты осуждения представлены отрицательными эмоциональными символами – расистской терминологией (Untermensch) с её вариациями (Völker hier

⁶ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: 1999. – С.222.

⁷ Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах. – Волгоград: 2001. – С.336.

⁸ Красавский Н.А. Семантическая структура номинантов эмоций в немецком и русском языках // Языковая личность: Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: 1999. – С.163.

⁹ Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: Параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: 1996. – С. 89.

¹⁰ Müller S. Sprachwörterbücher im Nationalsozialismus. Stuttgart, 1994. 299 S.

¹¹ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) [Электронный ресурс] – Екатеринбург: 2001. URL: <http://www.lingvotech.com/chudinov-01> (дата обращения: 26.10.2009).

¹² Wenzel H. Rassenwahn und NS-Ideologie – Die «Vergiftung» der deutschen Sprache. [E-Book] 2003. URL: <http://www.hausarbeiten.de/faecher/vorschau/26734.html> (28.10.2009).

unten), а также положительными эмоциональными символами – прецедентами так называемого «немецкого языка национал-социализма», содержащими этнонимы *deutsch, germanisch*, потенциально положительные эмотивы (*volkisch, Ordnung, Kulturwerte, Kameradschaft, Ehre*) в эмотивно отрицательном контексте. Для его создания используется микс языковых средств, в частности, метафора холода, заразной болезни, сниженный стиль, экспрессивная и оценочная лексика, номинанты и дескрипторы эмоций:

... Poldi schrieb oft Nazi-phrasen von «Durchhalten» und «*Volkisches Belangen*». Diese Redensarten wirkten in seinen sonst so netten Briefen wie kalte Duschen... (C. 164)¹³ (Здесь и далее страницы указываются в круглых скобках. Курсив автора – Т. К.); *von der Überheblichkeit der Nazis angesteckt* (C. 245); «Was Dein Bruder Poldi schreibt, ist richtiges Nazigeschwätz...» (C. 236); «...ist die germanische Rasse die einzige, die Kulturwerte hervorbringt...» Holm zog die Augenbrauen zusammen und sah so aus, als wollte er losplatzen. «Ach, das Rindvieh! Dieser Mensch ... hat gesehen, was seine deutsche Ordnung wert ist ...» (C. 62).

Характерно использование непосредственно языковых средств передачи иллюзорности – лексических единиц соответствующего смыслового поля:

Nur ihre Aufdringlichkeit liess sie wichtig erscheinen (C. 204); ...die Nazimaske brauche ich nicht... (C. 63); Diese Trauer war ihm aber lieber als die falschen Hoffnungen der anderen (C. 6).

Фрейм «военный режим» включает признаки идеологии тоталитарного общества. Характерное для нацистского режима создание народной массы, объединённой одной идеологией, может рассматриваться с двух сторон. Во-первых, оно отражает особый аспект милитаристского мышления – превращение человека в часть управляемой монолитной массы, отречение от личного в пользу общего интереса. Эта идея представляет собой идеологическую трансформацию одной из «классических германских добродетелей – способности управлять и одновременно являться частицей единого целого»¹⁴, в связи с чем некоторые особенности менталитета, могут рассматриваться как предпосылки втягивания в войну широких народных масс. К этим особенностям мы относим добросовестное исполнение приказа, усердие, неукоснительное соблюдение дисциплины. Хотя сами по себе они положительны, в контексте проблемы они нередко сопровождаются отрицательной эмотивностью, которая фиксируется в слотах «ощущение человеком собственной безликости», «осуждение педантизма и служебного рвения», «осуждение пассивности». Во-вторых, подобное унифицирование предполагает

меры насильственного характера, подавление личности извне и приведение её к соответствующим эмоциональным состояниям, для которых выделены слоты «ощущение угрозы, страх наказания, подавленность», «осуждение безволия, подчинения», «переживание морального противоречия», «осознание собственного бессилия». Признак «безликость», в частности, вербализуется с помощью технической метафоры, которая характеризует человека, подавляющего в себе проявление каких-либо эмоций:

Alle Körperteile schienen nummeriert zu sein (C. 11); Im Anschluss daran sangen sie zwei Weihnachtslieder wie aufgezogene Maschinen (C. 175).

Для осуждения безликости и пассивности применяется зоометафора, фразеологизмы:

«Du stellst dich auf den Standpunkt einer Kuh?...» (C. 238); Mein Bruder Poldi ist mir mit seinen blöden Naziideen... noch lieber als du, der du den Kopf vor allem in den Sand steckst! (C. 237); «Das sind Kerle, die nicht über ihre Nasenspitze wegsehen können (C. 258).

Заметную роль играют единицы смысловых полей «пассивность» и «дисциплина»:

«...Du bist wie das ganze deutsche Volk, fleißig, sauber, aber ohne Spur von einem Willen, die Verhältnisse endlich einmal zu ändern. Passiv nennt man das auch...» (C. 238); «...Und Du, ewiger Danebensteller? Wirst Du einmal nicht danebenstellen...?» (C. 257); «Heute ist das bei ganz Strammen Mode!...» (C. 91); «So geht das nicht!» sagte Hauptfeldwebel. «Den muss ein Mann mit Gewehr begleiten!» «Rindvieh!» sagte ein Wachmann leise... «Der Ordnungsteufel sitzt über seinem großen Buch...» (C. 172).

Ощущение принуждения, сопровождаемое чувством страха, подавленности, переживанием человеком собственного бессилия, внутреннего разлада реализуется преимущественно с помощью специальных и потенциальных эмотивных средств:

Max schien noch immer an die Drohung zu denken. Das machte ihn stumm und diesen Abschiedsbesuch ungemütlich (C. 20); Dieser Adjutant war der allgemeine Schrecken der Landser. Tag und Nacht schickte er Streifen herum (C. 141); «Ich fürchte mir nur vor den Nazis, und so geht es den Griechen auch. Mit ihnen werden wir schon einig...» (C. 71); Der Hunger aber und die Naziherrschaft hatten sie zu sehr eingeschüchtert (C. 185); «... Das ist es, weshalb ich mich unter euch allen ein bisschen fremd fühle, ...» Er sagte das so verzweifelt... (C. 234); Aber es gibt doch Schreckliches. Weiß ich mich da richtig zu benehmen? Man wird z. B. dazu kommandiert, Griechen zu erschiessen. Grässlich!... Theo hatte sich vor Angst zusammengezogen. Die grässlichen Vorstellungen kamen immer wieder und verwirrten ihn. Gequält wiederholte er sich: Du musst dir treu bleiben! Du darfst nicht schuldig werden! Aber seine Angst wurde immer größer... (C. 63).

Фрейм «жертвы войны» включает оценку преступлений, обусловленных идеологией. С одной стороны, оценка собственного участия в злодеянии предполагает слоты «потрясение», «осознание отношения других народов к немецкому», «чувство стыда», «болезненное осознание

¹³ Renn L. Krieg ohne Schlacht. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1984. 270 S.

¹⁴ Gardt A. Op. cit. – С. 257.

причастности и ответственности». С другой стороны, незнание страшных фактов также имеет эмоциональные векторы потрясения и болезненного восприятия. В реализации последних активную роль играют номинанты эмоций и ассоциации:

Zu tief *enttäuscht* war er von dieser Einoede, den verhungerten Menschen und dem, was sie erfahren hatten (С. 83); Theo war *bekümmert*. Er konnte die brutalen Redensarten der Maschinengewehrscützen nicht vergessen (С. 117); Theo zog die Decke ueber die Ohren und wickelte sich fest ein, als ob das *von der Erinnerung an die Kinder mit ihren Konservenbüchsen* befreite.» (С. 70).

Особая отрицательная эмотивность имплицитруется указанием на трудность темы:

Sie alle taten so, *als ob es gar keinen Krieg gäbe*, und das war Theo auch das liebste. Da brauchte er nicht zu erzählen, was er erlebt hatte (С. 101); В качестве устойчивых языковых индексов ухода от темы выступают лексемы *wichtig*, *unbequem* в эмотивно отрицательном контексте: Man sprach über alles, nur nie über *das Wichtige*. Das hätte zu *unbequem* werden können (С. 69); «Ihr redet von *allem Käse* und nie von dem, was *wichtig* ist. Das ist euch zu *unbequem!*» (С. 261).

Экспликация чувства вины присутствует в контексте обозначений военной атрибутики:

«Wenn man doch nur einer Armee angehörte, deren man sich *nicht zu schämen brauchte!*» (С. 70); «Jetzt mache ich aber *das Scheißkreuz* ab!» (С. 147) Образ убийцы в сочетании с эмотивами ужаса, страха используется для передачи устойчивого представления о немецком солдате-антигерое: «Man hat den Indern eingebleut, dass die Deutschen *schreckliche* Menschen sind, die *allen die Hälse abschneiden*. Darum haben sie ebensolche *Angst* vor uns...» (С. 187); «Das musste fuer sie ein ziemlicher *Schrecken* sein, so einem deutschen *Schlagetot* übergeben zu werden» (С. 151) Болезненность восприятия правды имплицитруется еди-

ницами смыслового поля «вера»: «Ja, *glaubst du denn das mit dem Verhungerungslassen in den deutschen Konzentrationslagern?*» (С. 237); «... *Ich glaube nicht!* Es ist doch unmöglich, dass wir von lauter Verbrechern regiert werden!» (С. 103); «...Wenn ihr was *nicht glauben wollt*, ist das immer Propaganda!» (С. 103).

Таким образом, моделирование фрейм-структуры идеологического и эмоционального компонентов концепта *Krieg* позволило выделить в его содержании понятийно-ценностные признаки, послужившие основой наименования фреймов с точки зрения их идеологически обусловленной социокультурной значимости. Важность идеологических признаков, входящих в нравственно-ценностный компонент сознания, проявляется на эмоционально-оценочном уровне и фиксируется в эмоциональных слотах («осуждение военной политики», «осуждение политической литургии», «осуждение военного энтузиазма», «ощущение человеком собственной безликости», «осуждение педантизма и служебного рвения», «осуждение пассивности», «осуждение безволия, подчинения», «переживание морального противоречия», «осознание собственного бессилия», «потрясение», «осознание отношения других народов», «чувство стыда», «болезненное осознание причастности и ответственности») с учётом отрицательного эмоционального параметра концепта. Особый способ фиксирования эмоционального содержания концепта «*Krieg*» состоит в имплицитной отрицательной эмотивности лексических единиц, обусловленной идеологической спецификой концепта.

Таб.1. Номенклатура лексических единиц, имплицитующие отрицательную эмотивность концепта «*Krieg*» (на материале романа Л.Ренна «*Krieg ohne Schlacht*»)

Фреймы Слоты	Военная политика	Военный режим	Жертвы войны
Осуждение военного энтузиазма	Held Militärisch		
Подавленность		Militärisch Ordnung stramm	
Болезненное осознание причастности			Unbequem wichtig nicht glauben

Таб. 1 в обобщённом виде представляет слоты и фреймы, выделенные в результате анализа текстового материала, и лексические единицы, имплицитующие отрицательную эмотивность концепта «*Krieg*». Приведённые в таблице лексические единицы неоднократно используются автором Л.Ренном при создании отрицательных эмоциональных импликаций, связанных с социокультурной спецификой идеологического компонента. На наш взгляд, подобное отражение эмоционального содержания концепта позволяет говорить о представленных в таблице слотах как

об эмоциональных индексах концепта в сознании представителей немецкой лингвокультуры в конкретный период истории. Представленные в данной работе результаты исследования концепта «*Krieg*» не являются полными, поскольку выполнены на материале художественного текста одного автора. В ходе дальнейшего исследования эмоционально-идеологического компонента концепта «*Krieg*» предполагается расширение текстового материала, что позволит более полно представить фреймы и слоты данного концепта.

**IDEOLOGICAL AND EMOTIONAL COMPONENTS OF THE CONCEPT OF «KRIEG»
(BASED ON THE NOVEL «KRIEG OHNE SCHLACHT» BY L. RENN)**

© 2010 T.A.Korneyenko^o

Mordovian State University named after N.P.Ogaryov

The article deals with the structure of the linguacultural concept of «Krieg». The investigation is carried out in accordance with the concept being determined by the ideological factor. On the basis of the results of the text analysis the author builds up three frames of the war scenario, examines the language means of expressing the ideological and emotional components of the concept and its culturally specific implications.

Key words: negative emotionality, implicit emotionality, ideological determination, concept, components of the concept, frame structure, slots.

---

^o *Korneyenko Tatyana Aleksandrovna, Assistant of the the department of Speech theory and translation.
E-mail: pudaschkina@mail.ru*